

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.33>

Махмудова Светлана Мусаевна

ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Рутульский язык относится к малым языкам Кавказа и находится под угрозой исчезновения, в связи с чем требует серьезного внимания. Лексика, словообразование и морфология рутульского языка служили предметом описания в специальной литературе. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что синтаксис рутульского языка остается до сих пор не изученным уровнем языка. Научная новизна предлагаемой статьи заключается в том, что впервые рассматриваются типы и способы образования вопросительных конструкций рутульского языка. Цель работы - описание общевопросительных предложений рутульского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 365-369. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. **Легенда № 17** [Электронный ресурс]: художественный фильм / реж. Н. Лебедев. URL: <https://www.ivu.ru/watch/97806> (дата обращения: 21.06.2017).
9. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра / пер. с нем. М.: АСТ, 2017. 416 с.
10. **Трусова А. Ю.** Средства снижения категоричности оценки в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2003. 223 с.
11. **Чжэн И. И.** Семантические компоненты вежливости, категоричности, смягченности в русском и китайском языках: дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 193 с.
12. <https://www.kinopoisk.ru/film/ostorozhno-dveri-zakryvayutsya-1997-13626/> (дата обращения: 20.06.2017).
13. **Lakoff G.** Classifiers as a reflection of mind // Noun classes and categorization. Amsterdam: John Benjamins, 1986. P. 13-51.

COMMUNICATIVE ACT AS A TOOL FOR STUDYING CATEGORIES IN THE LANGUAGE

Kostyushkina Galina Maksimovna, Doctor in Philology, Professor
Baikal State University, Irkutsk
kostushkina@mail.ru

Kuz'mina Tat'yana Nikolaevna
Bauman Moscow State Technical University
kuzmina.tat.nik@yandex.ru

The article puts forward the thesis that the systemic unit of a “communicative act” can contribute to the identification and study of categories in the language. As a result of analyzing the explicit and implicit components of categorical communicative acts, for the first time in literature the authors reveal the three-stage structure of categoricity as an independent communicative category, which determines the novelty of this study. The basic level of categoricity is represented by the category of reliability, the defining level – by the category of confidence and the variable level – by the categories of evaluation, emotiveness and politeness.

Key words and phrases: category; categoricity; categorical communicative act; reliability; assertiveness; conflictogenity; evaluation; emotiveness; politeness.

УДК 8; 811.35

Дата поступления рукописи: 03.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.33>

Рутульский язык относится к малым языкам Кавказа и находится под угрозой исчезновения, в связи с чем требует серьезного внимания. Лексика, словообразование и морфология рутульского языка служили предметом описания в специальной литературе. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что синтаксис рутульского языка остается до сих пор не изученным уровнем языка. Научная новизна предлагаемой статьи заключается в том, что впервые рассматриваются типы и способы образования вопросительных конструкций рутульского языка. Цель работы – описание общевопросительных предложений рутульского языка.

Ключевые слова и фразы: рутульский язык; синтаксис рутульского языка; модальность; вопросительная модальность; вопросительные предложения; способы выражения общего вопроса.

Махмудова Светлана Мусаевна, д. филол. н., профессор
Московский государственный психолого-педагогический университет
rutulsveta@mail.ru

ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Рутульский язык относится к лезгинской подгруппе нахско-дагестанских языков. Носителей рутульского языка около 80-100 тысяч, они проживают в Рутульском и Ахтынском районах Республики Дагестан и в Шекинском районе Республики Азербайджан.

Синтаксис рутульского языка не подвергался научному анализу, хотя отдельные вопросы изучались в работах Г. Х. Ибрагимова [5], М. Е. Алексеева [17], С. М. Махмудовой [9-13], М. О. Ибрагимовой [6], Т. А. Сулеймановой [14] и др.

В данной работе будут рассматриваться вопросительные конструкции рутульского языка, не получившие до сих пор специального внимания.

Вопросительные предложения могут быть двух видов: общевопросительные и частновопросительные.

Общевопросительные предложения содержат **общий вопрос** к истинности высказывания и предполагают ответ **да** или **нет**. Например:

Даварар сываа хъидкъыр ама? / ‘Коровы вернулись с летнего пастбища?’

Хынимер хылаа гъама? / ‘Дети на крыше?’

Гъаъна выи-га гиме? / ‘Есть кто-нибудь снаружи?’

Вада шыв-га хама? / ‘У тебя есть что-нибудь?’

Гъабишик вы ки киме? / ‘И ты с ними?’

Вахда ешел хъума? / ‘Ты хочешь плакать?’

В приведенных конструкциях суффикс вопросительной модальности – *-ма* (*// -ме*) присоединяется к «недостаточным» глаголам *а* ‘находится внутри, в составе’, *гъа* ‘находится на ориентире’, *ги* ‘находится под ориентиром’, *ха* ‘находится у, около ориентира’, *ки* ‘находится в составе или в положении соприкосновения с ориентиром’, *хъу* ‘находится за, сзади ориентира’. Формант *-ма* может присоединяться после непреднеязычных, *-ме* – после переднеязычных гласных в корне.

«Недостаточные» глаголы также присоединяют формант вопросительности к формам прошедшего времени:

Йа!ке ачых йишир айме? / ‘Уже рассвело?’

Йа!ке ачых йикисиме? / ‘Рассветет?’

Гъаъна выш-га гийме? / ‘Снаружи кто-нибудь был?’

Вада шыв-га хайме? / ‘У тебя что-нибудь было?’

Вы ки гъабишик кийме? / ‘И ты был с ними?’

Интересно, что все приведенные формы «недостаточных» глаголов в будущем времени имеют единую форму:

Гъаъна выш-га йикисиме? / ‘Снаружи кто-нибудь будет?’

Вада шыв-га йикисиме? / ‘У тебя что-нибудь будет?’

Вы ки гъабишик йикисиме? / ‘И ты будешь с ними?’ и так далее.

Я. Г. Тестелец называет фокусом вопроса некоторую составляющую, к которой относится вопрос, – фокус вопроса «выделяется либо интонацией и другими просодическими средствами, либо вопросительной частицей *ли*, которая в таком случае должна непосредственно следовать за этой составляющей» [15, с. 245].

Фокус вопроса в рутульском языке выделяется и интонацией:

Хынимер хылаа гъама? / ‘**Именно дети** на крыше?’

Хынимер хылаа гъама? / ‘Дети **именно на крыше**?’

Хынимер хылаа гъама? / ‘Дети на крыше **точно суть**?’

Фокус вопроса в рутульском языке выражается также при помощи глагольной формы *йиъиме?* / ‘есть ли? являешься ли?’ – в таком случае вопросительная частица *-име*, которая в нейтральном предложении находится в составе предиката, в нем не повторяется, и роль предиката выполняет в данном случае форма *йиъиме*, которая несет также семантику фокусной составляющей. Предикат нейтрального предложения в этом случае выступает в конструкции в форме причастия, например:

Даварар йиъиме сываа хъидкьыр ад? / ‘Это **коровы** (а не овцы) вернулись с летнего пастбища?’

Даварар сываа йиъиме хъидкьыр ад? / ‘Коровы вернулись **с летнего пастбища** (а не из другого места)?’

Даварар сываа хъидкьыр ад йиъиме? / ‘Коровы уже **вернулись** (уже сидят во дворе) с летнего пастбища?’

Ц!ай лешус йиркьыд име? / ‘Огонь **взять** пришел, что ли?’ [10, с. 20].

Как демонстрируют приведенные примеры, фокусная составляющая *йиъиме* свободно передвигается по клаузе, выступая за тем членом предложения, на котором акцентирует внимание. Впереди члена конструкции, на котором фокусируется внимание, данная форма выступать не может:

**Йиъиме даварар сываа хъидкьыр ад?*

В разговорной речи наблюдается усечение формы *йиъиме* фокусной составляющей в *име*.

Форма *име* выступает в вопросительных конструкциях как автономно, так и в составе глагольных форм в качестве аффикса вопросительной модальности. В следующих примерах *име* выступает автономно, сопровождая фокус вопроса:

Выды йиц!ыд сен име? / ‘Тебе десять лет?’

Вы име китаб кихъид? / ‘Это ты написал книгу?’

Ва дарс ха!а!р гыгыд име? / ‘Ты выучил уже урок?’

или в составе глагольных форм:

Ануца йыма!л маса выриме? / ‘Продала ли Ануц ишака?’

Ва зас китаб йидкьыриме? / ‘Ты принес мне книгу?’

Маа ва зас суалбыр хъывысиме? / ‘Ты будешь еще задавать мне вопросы?’

Гъада вы ч!абал виъиме, гъал-га гухъуды инаамиш руъуд име?! / ‘Эй, ты баран, что ли, разве можно верить всему, что тебе говорят?!’ [13, с. 37].

Гъанийды хыле рикьыр ама, шыв-га хъухъус руъурдииме?! / ‘Ты умираешь у него в руках, не можешь что-нибудь ответить?!’ [Там же, с. 65].

По-видимому, *име*, *ама* в диахроническом отношении состоят из двух компонентов: *а + ма* и *и + ме* (по закону сингармонизма). Аргументом в пользу данного вывода может явиться тот факт, что в борчинско-хновском диалекте *-и* является вспомогательным глаголом, употребляющимся при глагольных формах для выражения семантики будущего времени: *лоъишус и* ‘возьму, возьмешь, возьмет’, *лаъхъушус и* ‘заберу, заберешь, заберет’, *кихъис и* ‘узнаю’ [4, с. 109-110] и так далее, тогда как в мухадском диалекте эти формы выступают в стяженном варианте *лешуси*, *ла!хъа!шуси*, *кихъиси*, к которым присоединяется формант *-ма / -ме* для выражения вопросительной модальности: *Лешусиме? Ла!хъа!шусиме? Кихъисиме?*

Актуальный вопрос. Вопрос в рутульском языке может быть выражен и просто интонацией:

Фокус вопроса во фразе может быть выделен и интонационно:

Баньмыхда гакъыриме? / ‘Посмотрел или нет на горы?’ (фоновая информация – собеседник должен был посмотреть на горы).

Баныхда гакъыриме? / 'Посмотрел на горы или на что-либо другое?' (фоновая информация – собеседник на что-то смотрел).

Гъугъалбыр лугъуриме? / 'Уже прошли дожди?' (фоновая информация – дожди должны были пройти).

Гъугъалбыр лугъуриме? / 'Это дожди прошли или снега?' (фоновая информация – были осадки).

Уточняющий вопрос. Еще один тип общего вопроса, предполагающий наличие фоновой информации, – **уточняющий вопрос**, при котором актантам уже известно, что действие должно произойти, спрашивающий уточняет, произошло или нет данное событие:

йиркъыри'ме? / 'пришел?' (ответ собеседника не предсказывается).

йи'ркъыриме? / 'пришел?' (предполагается положительный ответ).

ру'ура'ма? / 'идешь?' (ответ неизвестен).

ру'урама? / 'идешь?' (предполагается положительный ответ).

ру'уси'ме? / 'пойдешь?' (ответ неизвестен).

ру'усиме? / 'пойдешь?' (предполагается положительный ответ).

аццара'ма? / 'наполняется?' (ответ неизвестен).

а'ццарама? / 'наполняется?' (предполагается положительный ответ) [4; 5] и так далее.

Развитая модель уточняющего вопроса в рутульском языке – употребление модального уточняющего элемента – вопросительной частицы **йи'име?** или **ди'име?** – единственной признака вопросительности высказывания, производимого утвердительным тоном, который обозначается в лингвистике как ИК-1. В подобных конструкциях вопросительную интонацию имеет только данная частица:

Хынимер гъала йидкъыр адиш, йи'име? / 'Детей дома нет, не так ли?'

Мисде къыд къыб йишири, йи'име? / 'В этом году зима наступила быстро, не так ли?'

Йиван банаа гъамаба, ди'име? / 'Конь еще пасется в горах, разве нет?'

Йиван банаа гъамаабдиш, Ди'име? / 'Коня уже нет на горе. Разве нет?'

Условный вопрос. Я. Г. Тестелец отмечает, что «особое значение модальности в общих вопросах представляет условно-вопросительная конструкция, включающая форму конъюнктива (*Ты бы пошел на такой риск? Пошел ли бы ты на такой риск?*)» [15, с. 244].

При образовании **условно-вопросительной конструкции** в рутульском языке вышеприведенные форманты вопросительной модальности **-ма / -ме** присоединяются к форме сослагательного наклонения:

кихъис 'написать' – **кихъис-ий** 'написал бы'

хъутлас 'выпить' – **хъутлас-ий** 'выпил бы'

йахас 'бежать' – **йахас-ий** 'бежал бы' [9; 11] и так далее.

Ва зас гъаасад кагъат кихъисийме? / 'Ты бы написал мне такое письмо?'

Адама сывыркыд нак хъутласийме? / 'А Адам бы выпил свернувшееся молоко?'

Мисед си гъувгуйне, вы йахасийме? / 'Ты бы убежал, если бы увидел такого медведя?'

Альтернативный вопрос. При альтернативном вопросе, как пишет Я. Г. Тестелец, «адресату предлагается сделать выбор из двух или более высказываний, указав, какое из них является истинным (*Ножницы здесь или у тебя?*)» [15, с. 244].

В рутульском языке альтернативный вопрос выражается особой конструкцией, при которой противопоставляются и главные, и второстепенные однородные члены предложения, повторяющиеся в клаузе:

Зы ру'усиме вы? / 'Пойду или ты (пойдешь)?' – повтор подлежащего.

Ивес дама ама хала? / 'Ивес в лесу или дома?' – повтор обстоятельства места.

Китаб сузуриме мадама? / 'Книга потерялась или сохранилась?' – повтор сказуемого.

Ял кивишириме къуру вишириме? / 'Саженец прижился или засох?' – повтор сказуемого.

Вас гъаццарама гъаццардииме? / 'Ты знаешь или не знаешь?' – повтор сказуемого.

Вы йыхъыриме йыхъырдииме? / 'Ты ходил или не ходил?' – повтор сказуемого.

Йидж вас гъагуриме гъагурдииме? / 'Но ты видел или не видел?' – повтор сказуемого.

Ху'р ловишусиме язуб? / 'Муку купить или зерно?' – повтор прямого дополнения и так далее.

В данных предложениях представлены по два однородных члена предложения. Однако их может быть и больше в одной и той же конструкции:

Ирды эч хама вада, шилды хама, къыбды? / 'У тебя красное яблоко, зеленое или желтое?' – повтор определения.

За лешусиме, ва лешусиме, ришире? / 'Я куплю или ты купишь? Или сестра?' – повтор подлежащего.

Ва кихъисиме, гъухъусиме, гъатлусиме? / 'Ты напишешь, скажешь или передашь через кого-нибудь?' – повтор сказуемого и так далее.

Однако и при двучленном однородном высказывании, и при трехчленном предполагается выбор одного ответа – подтверждения истинности.

К данному типу вопросов относится и речевая формула **Йи'име ди'име?** / 'Так или нет?', которую традиционно произносят ораторы на народных сходах, когда хотят держать под контролем мнение толпы во время своей речи. На этот речевой оборот принято отвечать хором **Йи'и!** / 'Да!', если народ поддерживает оратора, или **Ди'и!** / 'Нет!' при отсутствии общей поддержки, что служит знаком покинуть трибуну.

Риторический вопрос в рутульском языке подразделяется на два типа: вопрос субъекта, обращенный к самому себе, и вопрос ко второму актанту относительно третьего актанта. Рассмотрим эти формы.

А. Риторический вопрос, обращенный к самому себе, имеет семантику раздумий, обдумывания своих последующих действий. Образуется данная форма присоединением суффикса *-ма* к форме инфинитива:

Леиусма? / 'Взять (что ли)?'

Руъусма? / 'Пойти (что ли)?'

Хырхасма? / 'Связать (что ли)?'

ГъатIусма? / 'Передать (что ли устное сообщение)?'

Гъагусма? / 'Найти (что ли)?'

Йезесма? / 'Подойти (что ли)?'

Къидквасма? / 'Месить (тесто) (что ли)?'

Гъерхъвасма? / 'Поругать (что ли)?'

Леиусма леджеиусма? / 'Взять или не взять?'

Руъусма джугъуIсма? / 'Пойти или не пойти?' и так далее.

Б. Риторический вопрос, обращенный к собеседнику относительно информации о третьем лице:

Леиуриимихъ? / 'Взял ли?'

Агыриимихъ? / 'Нашел ли?'

Лыгыриимихъ? / 'Надел ли?'

ГъацIгыриимихъ? / 'Узнал ли?'

Ахъыгыриимихъ ахъдъыгыриимихъ? / 'Нашел или не нашел?'

Йишириимихъ джишириимихъ? / 'Смог или не смог?'

Утверждающий вопрос. В рутульском языке имеется еще один тип вопроса – утверждающий вопрос, семантика которого выражается модальным словом *бес* 'ведь, разве':

Эзерчи гъеч мыхъч ваъаддиш,

'Эзерчи никогда не врет,

ГъаIннийды хъесым харкъаддиш,

Не умеет врать за спиной,

Гъагуд кар дагул гъаъаддиш,

Что видел, скрывать не будет,

Бес ми карбыр йишиддишме?

Разве это не случилось?'

(Эзерчи) [11, с. 112].

Гуъгуьл пашмал виъид Юсиф,

'Печаль в твоём сердце, Юсиф,

Гъам на гъаIсрат диъид Юсиф,

Тоску и страсть узнал Юсиф,

Бес выды цIиы лирхъуд Юсиф

Разве на твоём огне Юсиф

Бирйан джишир, аргасиме?

В золу сможет не превратиться?'

Ва гъаIшыкъ гъыгырддиш бегемши, гъухъури: «Гъанийхда шыв а?»

Къуруд дамахдыыла савайи бес, гъихъяъ, вахда шыв а? /

'Ашуга ты презрела, говоря: «А что у него есть?»

Кроме пустой гордости, скажи, разве у тебя что-то есть?'

(Юсиф) [Там же, с. 121].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что в рутульском языке имеется развитый арсенал грамматических средств для выражения вопросительной модальности. Вопросительные предложения рутульского языка имеют несколько типов: общий вопрос, актуальный вопрос, уточняющий вопрос, условный вопрос, альтернативный вопрос и риторический вопрос, которые оформляются как морфологическими средствами, так и лексическими.

Список источников

1. Абдуллаев З. Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М.: Наука, 1971. 479 с.
2. Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1949. 277 с.
3. Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка: в 2-х ч. Махачкала: Дагучпедгиз, 1954. Ч. 1. 193 с.
4. Джалилова А. Б. Сопоставительный анализ основных грамматических классов и категорий в рутульском и английском языках: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2017. 185 с.
5. Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. Синхрония и диахрония. Махачкала: Народы Дагестана, 2004. 308 с.
6. Ибрагимова М. О. Сравнительная характеристика падежей в диалектах рутульского языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. Махачкала, 2015. 48 с.
7. Казенин К. Синтаксис современного лакского языка. Махачкала: Алеф, 2013. 327 с.
8. Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980. 301 с.
9. Махмудова С. М. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2002. 61 с.
10. Махмудова С. М. Жемчужины рутульской мысли. Пословицы, поговорки и загадки рутульского народа. Махачкала: Эпоха, 2014. 151 с.
11. Махмудова С. М. Рутульская литература. Махачкала: Народы Дагестана, 2008. 423 с.
12. Махмудова С. М. Способы выражения субъектно-объектных отношений в рутульском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 1995. 22 с.
13. Махмудова С. М. Фразеологический словарь рутульского языка. Махачкала: Эпоха, 2016. 215 с.
14. Сулейманова Т. А. Сравнительно-сопоставительный анализ имени числительного в рутульском и английском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2009. 20 с.
15. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Издательство РГГУ, 2001. 797 с.
16. Ханмагомедов Б. Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1970. 220 с.
17. Alekseev M. E. Rutul // The Indigenous Languages of the Caucasus / ed. by Riëks Smeets. Delmar – N. Y.: Caravan Books, 1994. Vol. 4. P. 213-258.

GENERAL QUESTIONS IN THE RUTUL LANGUAGE

Makhmudova Svetlana Musaevna, Doctor in Philology, Professor
Moscow State University of Psychology and Education
rutulsveta@mail.ru

The Rutul language belongs to the small Caucasian language family and is in danger of extinction; consequently, it requires a comprehensive study. The Rutul vocabulary, word-formation and morphology were subjected to the analysis in special literature. The relevance of the study is determined by the fact that the Rutul syntax is still a poorly investigated language area. Scientific originality of the article is in the fact that the author for the first time examines the types of the Rutul interrogative constructions and the ways of their formation. The paper aims to describe general questions in Rutul.

Key words and phrases: Rutul language; Rutul syntax; modality; interrogative modality; interrogative sentences; ways to express general question.

УДК 811.512

Дата поступления рукописи: 10.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.34>

В статье описываются семантические, формальные и функциональные особенности показателей условно-сослагательного наклонения в тувинском языке. В современном тувинском языке синхронно функционируют пять аналитических форм условно-сослагательного наклонения, имеющих аналогичную структуру: «форма будущего времени основного глагола + форма прошедшего времени вспомогательного глагола». Определяется, что условно-сослагательное наклонение выражает значение нереализованного, потенциально возможного действия или нереализованного, желаемого (воображаемого) действия, которое могло иметь место при наличии условия (фоновой ситуации) для его исполнения.

Ключевые слова и фразы: условно-сослагательное наклонение; формы условно-сослагательного наклонения; бипредикативные конструкции условия; нереализованное действие; потенциальность; желательность.

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, к. филол. н.
Тувинский государственный университет, г. Кызыл
oorzhak.baylak@mail.ru

УСЛОВНО-СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 1.4539.2017/8.9 (проект № 34.3876.2017/ПЧ).

Нереализованная возможность – семантика, находящая выражение почти во всех известных языках мира. Это значение передается формами конъюнктива или сослагательного наклонения. Н. А. Баскаков отмечает, что в большинстве тюркских языков семантика сослагательного наклонения выражается регулярно, «хотя не всегда включается в систему глагольных форм наклонений в описательных грамматиках конкретных языков» [4, с. 362]. В тувинском языке особое сослагательное наклонение традиционно не выделяется, хотя в этом значении употребляются специальные аналитические формы, регулярно функционирующие и проявляющие свое значение в особой синтаксической конструкции. Речь идет сразу о нескольких грамматических формах, синхронно функционирующих в современном языке с разной степенью частоты употребления. Это аналитические формы на =гай эртик, =ар эртик, =ар ийик, =ар турган, =ар турду, имеющие аналогичную структуру, восходящие к аналитическим конструкциям, состоящим из форм будущего времени и вспомогательного глагола в форме прошедшего времени [4, с. 362; 10, с. 79-81]. «Действие, передаваемое подобной аналитической формой, относится к прошлому, в котором оно в действительности не осуществилось, но могло или должно было осуществиться. Модальность возможности или необходимости осуществления действия имеет своим источником первый компонент – форму будущего времени» [7, с. 261]. Аналитические конструкции такого типа определяются в языках мира как будущее в прошедшем или конъюнктив.

То, что в тувинском языке сочетания форм будущего времени на =уај и =ар с древним вспомогательным глаголом er=/e= в формах прошедшего времени являются показателями условно-сослагательного наклонения (=гай эртик и =ар ийик), впервые было отмечено Ш. Ч. Сатом в «Кратком очерке “Тувинский язык”» к «Тувинско-русскому словарю» 1955 года [12, с. 705], но дальнейшего анализа и подробного описания выделенное условно-сослагательное наклонение не получило. В вышедшей в 1961 году «Грамматике тувинского языка. Фонетика и морфология» Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха при описании условного наклонения отмечается, что форма условного наклонения на =са «в придаточном предложении может выражать сослагательное значение, при этом ей сопутствует в главном предложении сослагательная конструкция на =р ийик» [6, с. 404].

После описания системы наклонений в «Грамматике тувинского языка» [6] до настоящего дня не было проведено ни одного специального анализа наклонений тувинского языка. Поэтому тема модальной семантики, находящей грамматическое выражение в тувинском языке, динамика развития глагольных форм